

Аксель Панцер

Пока тебя спрашивают

Аксель Панцер

Пока тебя спрашивают

«Автор»

2026

Панцер А.

Пока тебя спрашивают / А. Панцер — «Автор», 2026

История Марты Вебер — девочки из семьи советских немцев, прошедшей путь от ссылки в казахскую степь до профессора детской хирургии. Это повесть о призвании, памяти, цене выбора и о том, как настоящий учитель продолжает жить в своих учениках, пока его спрашивают.

© Панцер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Когда уезжают из дома	5
Глава 2. Степь	13
Глава 3. Белый халат	20
Глава 4. Школа	32
Глава 5. Первое «нет»	42
Глава 6. Санитарка	54
Глава 7. Медицинское училище	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Аксель Панцер

Пока тебя спрашивают

Глава 1. Когда уезжают из дома

Позднее Марта не могла сказать наверняка, что именно она помнила сама, а что с годами незаметно перешло в её память из материнских рассказов.

Четырёхлетнему ребёнку трудно сохранить целый день. От него остаются отдельные вещи, иногда совершенно неважные для взрослых: трещина на глиняном кувшине, пуговица на чужом пальто, запах влажной земли, полоска света под дверью.

Из того утра Марта помнила яблоки.

Они лежали в плетёной корзине под окном — жёлтые, с красными боками, некоторые уже чуть сморщенные возле черенков. Накануне отец снял их с дерева и сказал, что хорошие положат в погреб, а те, что побиты ветром, мать сварит с сахаром.

Погреб теперь был открыт.

Дверца его темнела возле сарая, и никто уже не собирался уносить туда яблоки.

В доме происходило что-то непонятное.

Мать ходила из комнаты в комнату, укладывала вещи и тут же снова их вынимала. На кровати лежало зимнее одеяло, рядом — две рубашки отца, детские чулки, мешочек с мукой, кусок сала, завернутый в полотенце, фотография в картонной рамке.

— Этого не бери, — сказал отец.

Он стоял возле стола и затягивал ремнём старый чемодан.

— Почему?

Мать держала в руках кофейную мельницу. Чёрную, с медной ручкой. По воскресеньям она молола в ней жареный ячмень с несколькими настоящими кофейными зёрнами, которые берегла неизвестно с каких времён.

Отец посмотрел на мельницу и отвёл глаза.

— Потому что мы не знаем, сколько придётся нести.

— А если вернёмся нескоро?

Отец затянул ремень ещё сильнее.

— Тогда тем более она нам не поможет.

Мать медленно поставила мельницу обратно на полку.

Марта сидела на сундуке и болтала ногами.

Ей не нравилось, что взрослые разговаривали негромко. Когда мать сердилась, она обычно говорила быстро, по-немецки, и слова становились острыми, точно мелкие камешки. Когда отец был недоволен, он кашлял перед каждой фразой и долго подбирал слова.

Сегодня никто не сердился.

И именно поэтому было страшно.

Марта спросила:

— Мама, мы куда?

Мать на мгновение замерла.

В её руках была маленькая шерстяная кофта Марты — коричневая, с одной уже перешитой пуговицей.

— Поедем немного, — сказала она наконец.

— К бабушке?

— Нет.

— К тёте Эльзе?

— Нет, Марточка.

— Тогда куда?

Мать подошла, присела перед ней и стала застёгивать кофту, хотя в доме было тепло.

— Далеко.

— А далеко — это сколько?

Мать улыбнулась. Совсем немного, только уголками губ.

— Это когда долго едут.

Марта подумала.

— А вечером вернёмся?

Мать не ответила.

Она поднялась и отвернулась к окну.

Там, за стеклом, стояла их яблоня. Ветер трогал редкие листья. У забора валялась перевернутая тачка. По дороге медленно шла соседка, прижимая к груди узел с вещами.

Отец перестал возиться с чемоданом.

— Не надо ей ничего обещать, — тихо сказал он.

— А что мне ей сказать?

— Правду.

Мать резко повернулась.

— Какую именно, Фридрих? Ты её знаешь?

Отец ничего не ответил.

Марта смотрела то на одного, то на другого.

Ей хотелось, чтобы они поссорились по-настоящему. Тогда всё снова стало бы обычным: мать загремела бы посудой, отец вышел бы во двор, через час вернулся, и за ужином они разговаривали бы так, будто ничего не произошло.

Но отец только подошёл к окну и провёл ладонью по подоконнику.

Будто прощался.

На улице остановилась машина.

Сначала послышался тяжёлый гул двигателя, потом скрип тормозов.

Мать побледнела.

— Уже?

Отец посмотрел на часы.

— Выходит, уже.

Он надел пиджак, хотя было ещё не холодно, и вышел.

Марта соскочила с сундука и бросилась за ним, но мать поймала её за плечо.

— Куда?

— К папе.

— Постой здесь.

— Я хочу посмотреть.

— Там нечего смотреть.

Но Марта вывернулась и всё-таки подбежала к окну.

Перед домом стоял грузовик. В кузове уже сидели люди. Кто-то держал на коленях чемодан, кто-то — свернутое одеяло. У соседнего двора плакала женщина, старая бабушка Гретхен. Она цеплялась руками за калитку и всё повторяла:

— Как же корова? Господи, а корова-то как?

Рядом стоял человек в форме и говорил ей что-то усталым голосом.

Марта не слышала слов.

Она увидела отца.

Он разговаривал с другим военным. Тот держал бумагу.

— Вебер Фридрих Карлович?

— Да.

— Состав семьи?

— Жена. Дочь.

Военный посмотрел в бумагу.

— Трое?

— Трое.

— Собирайтесь.

— Мы собраны.

Военный поднял голову и впервые внимательно посмотрел на отца.

Он был совсем молодой. Может быть, лет двадцати пяти. Лицо у него было обветренное, усталое, а под глазами лежали тёмные полосы.

— Тогда выходите.

Отец не двинулся.

— Куда нас везут?

Молодой военный вздохнул.

— Мне не сказали.

— Но вы же сопровождаете.

— До станции.

— А после станции?

Военный сложил бумагу.

— После станции вас повезут дальше.

— Куда дальше?

Тот помолчал.

— Не знаю.

Отец усмехнулся.

Усмехнулся коротко и совсем невесело.

— Странное дело. Вы пришли забрать человека из его дома, а куда забираете — не знаете.

Молодой военный посмотрел на него прямо.

— Я вам сейчас солгу — вам станет легче?

Отец перестал усмехаться.

Несколько секунд они стояли друг против друга.

Потом отец сказал:

— Нет. Не станет.

Военный опустил взгляд в бумагу.

— Возьмите тёплые вещи. Там, говорят, холодно.

Это было первое, что они узнали о том месте, куда ехали.

Там холодно.

Марта запомнила именно это.

Мать надела на неё пальто.

— Но мне жарко.

— Пусть.

— Мам, я вспотею.

— Ничего.

— А шапку зачем?

— Надень, Марта.

— Я не хочу шапку.

Мать вдруг резко притянула её к себе.

Так сильно, что Марта почувствовала щекой пуговицы материнского платья.

— Надень, пожалуйста, — сказала мать почти шёпотом. — Сегодня не спорь со мной. Хотя бы сегодня.

Марта перестала сопротивляться.

Она не понимала, почему мать так говорит.

Отец внёс в комнату мешок.

— Всё?

Мать огляделась.

— Кажется.

Она подошла к шкафу, открыла дверцу, потом закрыла.

Прошла к печи.

Поправила заслонку.

Провела ладонью по столу.

— Анна.

— Сейчас.

— Нам пора.

— Я слышу.

Но она продолжала стоять.

На стене висела фотография: отец и мать ещё до рождения Марты. Отец там был молодой, с аккуратно зачёсанными волосами, мать — в светлом платье, серьёзная, почти строгая.

Она сняла фотографию.

— Куда ты её?

— С собой.

— Рамку оставь.

Мать вынула снимок из картона и спрятала за пазуху.

— Так поместится.

Во дворе отец запер дверь.

Марта удивилась.

— Папа, зачем ты закрыл?

Он обернулся.

— Так надо.

— Но если мы уезжаем, кто сюда придёт?

Отец посмотрел на дом.

Белёные стены.

Два окна.

Синяя рама.

Крыша, которую он латал весной.

Яблоня.

Колодец.

Небольшая лавка возле двери, которую сделал ещё его отец.

— Никто, — сказал он.

Марта потянула его за рукав.

— Тогда зачем закрывать?

Отец долго искал ответ.

Потом присел перед дочерью и поправил ей шарф.

— Чтобы дом знал, что мы не ушли просто так.

Марта ничего не поняла.

Но эти слова запомнила.

На грузовике оказалось тесно.

Люди сидели на чемоданах и мешках. Мать посадила Марту себе на колени. Отец устроился у борта, одной рукой держась за деревянную перекладину.

Когда машина тронулась, кто-то перекрестился.

Кто-то заплакал.

Кто-то, наоборот, заговорил громко — о погоде, о дороге, о том, что неплохо бы накрыть мешки брезентом, если пойдёт дождь.

Так иногда люди разговаривают возле постели тяжело больного — о чём угодно, лишь бы не произносить того, о чём думают все.

Грузовик проехал мимо их дома.

Марта повернула голову.

— Мама, смотри!

Мать не посмотрела.

— Мам!

— Что?

— Наш дом!

Тогда мать всё-таки обернулась.

И смотрела до тех пор, пока дом не скрылся за поворотом.

Марта помахала ему рукой.

— Пока!

Мать закрыла глаза.

Отец сидел напротив.

Он увидел, как дочь машет, и опустил голову.

— Что? — спросила Марта.

— Ничего.

— Ты почему грустный?

Отец поднял глаза.

— Я не грустный.

— Грустный.

— Разве?

— Да.

Она протянула ему руку.

— Мы же обратно приедем.

Отец взял её маленькую ладонь в свою.

Она была тёплая, почти горячая от варежки.

— Конечно, — тихо сказал он.

Мать посмотрела на него.

Он встретился с ней взглядом.

И едва заметно покачал головой.

То была единственная ложь, которую Марта запомнила за отцом.

На станции стояли сотни людей.

Марта никогда прежде не видела такого количества чемоданов.

Они были повсюду: деревянные, фанерные, картонные, перевязанные верёвками. Узлы лежали прямо на земле. Женщины сидели на них, придерживая детей. Мужчины курили и молча смотрели на железную дорогу.

Над платформой висел запах угля, дыма и человеческого пота.

Возле путей стояли длинные тёмные вагоны.

Не пассажирские.

Марта знала пассажирские: однажды они ездили к родственникам, и там были окна, скамейки, занавески.

У этих вагонов были тяжёлые раздвижные двери.

Отец остановился.

— Это для скота, — сказал кто-то рядом.

Мать крепче прижала к себе Марту.

— Тише.

— А что тише? Разве не видно?

Отец поставил чемодан.

Людей начали вызывать по спискам.

Фамилии звучали одна за другой.

Шмидт.

Краузе.

Миллер.

Гофман.

Шульц.

Вебер.

Отец поднял руку.

— Здесь.

— Вагон девятый.

Они пошли вдоль состава.

На двери одного из вагонов мелом была написана большая цифра:

9.

Марта посмотрела на неё.

Она уже знала цифры и обрадовалась, что узнала эту.

— Девять! — сказала она.

Никто не ответил.

У вагона отец сначала поднял чемодан, потом помог матери забраться внутрь.

Наконец подхватил Марту.

Она оказалась выше всех и на секунду увидела всю платформу.

Люди.

Солдаты.

Плачущие дети.

Старуха, которая держала в руках клетку с курицей.

Мужчина с иконой под мышкой.

Женщина в светлом платке.

И далеко, за станционными постройками, дорогу, которая уходила обратно к их селу.

— Папа!

— Что?

— Я сама.

— Что сама?

— Я могу залезть.

Он посмотрел на неё и неожиданно улыбнулся.

— Конечно можешь.

Но всё равно не отпустил, пока не поставил внутрь вагона.

Там пахло деревом, пылью и старой соломой.

Вдоль стен были сделаны нары.

Люди теснились возле вещей.

Мать устроила Марту рядом с собой.

Отец сел у двери.
На платформе продолжали кричать фамилии.
Через некоторое время дверь вагона с тяжёлым металлическим грохотом поехала в сторону.
Светлая полоска становилась всё уже.
Марта испугалась.
— Почему закрывают?
— Поедем сейчас, — ответила мать.
— А окно?
Окно было маленькое, под потолком.
— Вот окно.
— Я ничего не увижу.
— Потом посадим.
Дверь закрылась.
В вагоне сразу стало темнее.
Кто-то из детей заплакал.
Потом другой.
Потом третий.
Марта тоже хотела заплакать, но почему-то постеснялась.
Она прижалась к матери.
Поезд ещё долго стоял.
В темноте разговаривали.
— Куда?
— Говорят, за Волгу.
— Какая Волга? Нас с Украины куда-то на восток.
— В Сибирь.
— Нет, в Казахстан.
— Кто тебе сказал?
— На станции слышала.
— Там степь одна.
— А здесь что, рай?
Кто-то сердито сказал:
— Хватит.
Стало тихо.
Потом отец произнёс:
— Анна.
— Да?
— Воду держи возле себя.
— Держу.
— И хлеб.
— Всё здесь.
— Марте сначала.
Мать тихо ответила:
— Я знаю.
Поезд дёрнулся.
Не поехал, а только вздрогнул всем составом.
Потом ещё раз.
И наконец колёса медленно застучали.
Марта подняла голову.

— Мы едем?

— Едем, — сказала мать.

— Далеко?

Мать провела ладонью по её волосам.

— Далеко.

— А дом будет ждать?

Отец повернулся от двери.

В темноте Марта едва видела его лицо.

— Будет.

— Откуда ты знаешь?

Он немного помолчал.

— Потому что дома умеют ждать лучше людей.

Марта задумалась.

Ей очень понравилась эта мысль.

Она представила, как их дом стоит возле дороги, закрытый на ключ, а яблоня наклоняется к окну и заглядывает внутрь.

Наверное, вечером дому станет скучно.

Может быть, он даже испугается один.

— Папа.

— Что?

— Когда мы приедем обратно, я первая открою дверь.

Отец отвернулся.

— Хорошо, Марта.

— Ты мне дашь ключ?

Он сунул руку в карман.

Ключ действительно был там.

Тяжёлый железный ключ от входной двери.

Отец вынул его, подержал на ладони и протянул дочери.

— Держи.

Мать посмотрела на него с удивлением.

— Фридрих...

— Пусть.

Марта сжала ключ в кулаке.

Он был холодный.

— Не потеряю.

— Я знаю.

Она положила его в карман пальто и несколько раз проверила рукой.

Ключ был на месте.

Поезд набирал скорость.

Где-то далеко остался дом.

Потом село.

Потом дорога.

Потом вся прежняя жизнь, о существовании которой Марта ещё не знала достаточно, чтобы понимать, что её можно потерять.

Ей было четыре года.

И она была совершенно уверена, что однажды вернётся и откроет тем ключом свою дверь.

Ключ она действительно не потеряла.

А дверь больше не увидела никогда.

Глава 2. Степь

Сколько они ехали, Марта потом так и не смогла вспомнить.

В детской памяти дорога не имела ни дней, ни недель. Она состояла из остановок, скрипа дверей, чужих голосов, запаха дыма и редких полос света, которые падали внутрь вагона, когда его открывали.

Иногда поезд стоял долго.

Тогда взрослые оживали.

Мужчины начинали спрашивать, где они находятся, женщины поправляли узлы, доставали хлеб, делили воду. Кто-нибудь обязательно пытался выглянуть наружу и возвращался с новым слухом.

— Саратов.

— Какой Саратов? Мы давно восточнее.

— Тогда Оренбург.

— Откуда ты знаешь?

— Спросил у железнодорожника.

— И что он тебе скажет? Ему велено — он и скажет.

Марта слушала эти разговоры, лёжа у матери на коленях.

Ей казалось, что названия городов — это станции одной огромной дороги, которая всё никак не закончится.

Иногда она спрашивала:

— Мама, мы уже далеко?

Анна отвечала:

— Уже далеко.

На следующий день Марта спрашивала снова:

— А теперь?

— Теперь ещё дальше.

После этого Марта перестала спрашивать, потому что поняла: дальше может быть бесконечно.

В вагоне люди постепенно перестали быть чужими.

Кто-то делился кипятком.

Кто-то уступал место возле стены.

Старуха с курицей, которую Марта заметила ещё на станции, оказалась фрау Гильдой. Курица жила в небольшой клетке, тревожно кудахтала и каждый раз вызывала у детей почти праздничное оживление.

— Как её зовут? — спросила Марта.

— Курицу?

— Да.

Фрау Гильда задумалась.

— Никогда не называла.

Марта была потрясена.

— А как же она понимает, что ты её зовёшь?

Старуха посмотрела на курицу.

— Никак. Если у меня в руке зерно — сама приходит.

— Значит, надо дать ей имя.

— Какое?

Марта долго думала.

— Лиза.

— Почему Лиза?

— Потому что красиво.

Фрау Гильда рассмеялась впервые за всю дорогу.

— Ну, пусть будет Лиза.

С этого дня курица стала Лизой.

Даже взрослые потом говорили:

— Гильда, Лизу покормили?

или:

— Лиза опять всю ночь не давала спать.

По прошествии многих лет Марта вспоминала эту курицу яснее, чем половину людей, ехавших с ними в вагоне.

Самым страшным в дороге была не темнота.

Не холод.

Не теснота.

Страшнее всего было то, что взрослые начали становиться тише.

Сначала они спорили.

Потом разговаривали.

Потом всё больше молчали.

Еда кончалась.

Хлеб мать делила на маленькие кусочки и каждый раз говорила:

— Ешь медленно.

Марта старалась.

Откусывала совсем чуть-чуть и долго держала во рту.

Но всё равно хлеб исчезал слишком быстро.

— А ещё есть?

Мать сначала говорила:

— Потом.

Потом:

— Вечером.

А однажды сказала:

— Нет.

Марта посмотрела на неё.

— Совсем?

Анна отвернулась.

— До станции.

Отец сидел напротив.

Он похудел за дорогу так быстро, что его лицо стало совсем другим. Щёки впали, подбородок выступил сильнее.

Марта посмотрела на него.

— Папа, у тебя есть?

Фридрих полез в карман и достал маленькую сухую корку.

Анна сразу подняла глаза.

— Фридрих.

— Что?

— Ты сам не ел.

— Ел.

— Не ври.

Он протянул корку дочери.
— Мне не хочется.
Марта взяла.
Потом посмотрела на него.
— А если тебе потом захочется?
Он пожал плечами.
— Тогда попрошу у тебя.
Марта подумала, отломилась половину и протянула обратно.
— На.
Отец улыбнулся.
— Я же сказал — не хочу.
— А я не дам потом.
Он посмотрел на неё внимательнее.
Потом взял половину.
— Ну хорошо. Тогда сейчас.
Марта была довольна.
Ей казалось, что она поступила очень по-взрослому.

Однажды ночью стало особенно холодно.
Ветер проникал через щели, и люди закрывали их тряпками.
Марта проснулась от кашля.
Кашлял мальчик на верхних нарах.
Ему было, наверное, лет семь или восемь. Марта знала только, что его зовут Пауль.
Он кашлял долго, тяжело, потом затихал, потом начинал снова.
Его мать всё время шептала:
— Тише, сынок. Тише. Сейчас пройдёт.
Будто ребёнок мог послушаться и перестать кашлять.
Утром Пауль не встал.
Возле него собрались взрослые.
Марта хотела посмотреть, но мать не пустила.
— Сиди здесь.
— Почему?
— Просто сиди.
— Он заболел?
Анна ничего не ответила.
Через некоторое время подошёл мужчина из другого конца вагона. До войны он, как говорили, работал фельдшером.
Он потрогал мальчику лоб, послушал грудь, приложив ухо прямо к рубашке.
— Нужен врач, — сказал он.
— Где здесь врач? — резко спросила мать Пауля.
— На станции попросим.
— Когда станция?
Никто не знал.
Поезд шёл ещё несколько часов.
Когда вагон наконец открыли, мать мальчика первой бросилась к двери.
— Доктора! Позовите доктора!
Снаружи кто-то ответил:
— Ждите.
Она не ждала.

— Ребёнок умирает! Вы слышите? Ребёнок!

Кто-то из мужчин удержал её за плечи.

— Не выходите. Нельзя.

— Да что мне нельзя! У меня сын!

Марта смотрела на неё и впервые в жизни видела, как взрослый человек может кричать так, будто ему больно всем телом.

Доктор всё-таки пришёл.

Невысокий мужчина в длинном тёмном пальто, с медицинской сумкой.

Он забрался в вагон, даже не сняв шапки, и сразу наклонился к Паулю.

Все замолчали.

Марта стояла за материнской юбкой и смотрела.

Доктор попросил:

— Свет сюда.

Кто-то открыл дверь шире.

— Сколько дней кашляет?

— Третий.

— Температура?

— Не знаю.

Он слушал грудь мальчика.

Потом попросил горячую воду.

— Откуда здесь горячая вода? — сказал кто-то.

Доктор поднял голову.

— Найдите.

И почему-то нашли.

Кто-то сбегал к станционной будке.

Кто-то принёс кружку.

Доктор делал всё быстро.

Не суетился.

Не говорил лишнего.

Через некоторое время он сел рядом с мальчиком и сказал его матери:

— Слушайте внимательно. До следующей крупной станции ему нужно лежать в тепле.

Если сможете — меняйте сухую ткань на груди. Воды понемногу. Не холодной.

— Он выживет?

Доктор не ответил сразу.

— Сейчас главное, чтобы дышал.

— Я спрашиваю — он выживет?

Он посмотрел на неё.

— Я не знаю.

Марта запомнила именно эти слова.

Не знаю.

Взрослый человек.

Доктор.

И не знает.

Но почему-то от этого он не казался слабым.

Наоборот.

Он продолжал делать всё, что мог.

Через два дня Пауль умер.

Марта не видела, как его вынесли.

Мать закрыла ей лицо ладонью.
Но она слышала плач.
После этого в вагоне стало ещё тише.
Фрау Гильда больше не шутила про курицу Лизу.
Отец почти не разговаривал.
Марта несколько раз спросила:
— А доктор почему его не вылечил?
Анна долго не отвечала.
Потом сказала:
— Потому что не всё можно вылечить.
— А зачем тогда доктор?
Мать посмотрела на неё.
— Чтобы попробовать.
Этот ответ Марта тоже запомнила.

Под конец дороги пейзаж за маленьким окном изменился.
Исчезли леса.
Дома стали попадаться реже.
Пространство сделалось огромным.
Когда отец поднял Марту к окну, она увидела землю, уходящую далеко-далеко, почти до неба.

— Где деревья?
— Здесь мало деревьев.
— Почему?
— Не растут.
— Совсем?
— Почти.
Марта посмотрела ещё раз.
— А где мы?
Отец ответил не сразу.
— Казахстан.
Марта попробовала повторить:
— Ка-за-хстан.
Слово было длинным и чужим.
— Мы здесь будем жить?
Отец опустил её на пол.
— Пока да.
— А потом домой?
Он посмотрел на Анну.
Она сидела рядом и держала руки на коленях.
Фридрих сказал:
— Потом посмотрим.
Марта сунула руку в карман.
Ключ был на месте.

Их привезли в небольшое село уже под вечер.
Снега ещё не было, но ветер был такой холодный, что Марта сразу заплакала.
Не от страха.
От ветра.

Он бил в лицо, пробирался под пальто, забирался в рукава.
— Мама, я не хочу здесь.
Анна прижала её к себе.
— Тише.
— Здесь холодно.
— Я знаю.
— Мы поедем обратно.
Анна ничего не ответила.
Людей строили возле машины.
Кто-то читал фамилии.
Потом семьи начали разбирать по домам.
Не в свои дома.
В чужие.
Веберов поселили у казахской семьи на краю села.
Дом был низкий, саманный, с маленькими окнами.
Хозяина звали Сагындык.
Он был сухой, седой, с длинным лицом и спокойными глазами.
Жена его, Айжан, стояла за дверью и смотрела на новых жильцов.
За её юбкой прятались двое детей.
Марта сразу заметила девочку примерно своего возраста.
Они смотрели друг на друга.
Ни одна не улыбнулась.
Человек, сопровождавший переселенцев, сказал хозяину:
— Вот сюда трое.
Сагындык кивнул.
— Места мало.
— У всех мало.
— Я понимаю.
— Тогда размещайте.
Сагындык снова кивнул.
Анна стояла с чемоданом.
Ей было неловко.
Она сказала:
— Мы не хотели...
Сагындык не понял.
Фридрих попробовал по-русски:
— Нам сказали здесь.
— Я понял.
Он открыл дверь шире.
— Заходите.

В комнате пахло сушёной травой, овечьей шерстью и дымом.
Айжан быстро освободила угол.
Разостлала на полу войлок.
Показала:
— Здесь.
Анна сказала:
— Спасибо.
Айжан посмотрела непонимающе.

Сагындык перевёл:

— Рахмет.

Анна повторила:

— Рахмет.

Айжан улыбнулась.

Это была первая улыбка, которую Марта увидела в Казахстане.

Вечером им дали пиалу горячего чая.

Чай был почти без сахара, крепкий и непривычный.

Марта обожгла язык.

Девочка хозяев сидела напротив и смотрела на неё.

Марта показала на себя.

— Марта.

Девочка поняла.

— Сауле.

— Са-у-ле?

Та засмеялась.

— Сауле.

Марта тоже засмеялась.

Взрослые обернулись.

Это был первый детский смех в их семье за много дней.

Ночью Марта долго не спала.

Рядом дышала мать.

Отец лежал у стены.

За тонкой перегородкой говорили хозяева.

Она не понимала ни слова.

Ветер шёл по крыше и иногда заставлял дом вздрагивать.

Марта сунула руку в карман пальто, которое лежало рядом.

Нащупала ключ.

Успокоилась.

Она ещё не знала, что через несколько месяцев отец исчезнет из дома надолго.

Не знала, что мать будет меняться с соседями последней одеждой на муку.

Не знала, что научиться различать казахские слова раньше, чем снова увидит букварь.

Не знала, что именно здесь впервые войдёт в маленький сельский медпункт и увидит человека в белом халате.

Пока что она просто лежала в чужом доме, в чужой стране внутри своей страны, и слушала ветер.

Утром началась их новая жизнь.

Глава 3. Белый халат

Первая зима в Казахстане пришла быстро.

Сначала по утрам на земле появилась тонкая белая корка, потом замёрзла вода в ведре у сеней, а через несколько дней степь стала совсем другой — плоской, белой, бесконечной.

Марта раньше думала, что снег бывает красивым.

Дома, на Украине, он ложился на крыши, на яблоневые ветви, на заборы. Из него лепили маленькие крепости, бросались комками, оставляли следы возле дома.

Здесь снег был другим.

Он не украшал.

Он закрывал.

Землю.

Дороги.

Следы.

Иногда ветер поднимал его так высоко, что невозможно было понять, где кончается степь и начинается небо.

В такие дни Сагындык подходил к двери, приоткрывал её, смотрел наружу и говорил:

— Буран.

Марта сначала думала, что Буран — это кто-то.

Может быть, злой человек, который ходит по степи.

Потом поняла: так называют сам ветер.

Но привычка осталась.

Когда за стенами завывал снег, она прижималась к матери и спрашивала:

— Буран пришёл?

Анна отвечала:

— Пришёл.

— Он уйдёт?

— Всё когда-нибудь уходит.

Марта не знала, говорит ли мать о ветре.

Фридриха забрали в декабре.

Утром приехали двое мужчин.

Один в форме.

Другой — в овчинном полушубке.

Они разговаривали с Сагындыком у двери, потом позвали отца.

Анна сразу всё поняла.

— Куда?

Фридрих не ответил.

Человек в форме сказал:

— На работу.

— Какую?

— Трудовая мобилизация.

— Надолго?

Тот пожал плечами.

— Не знаю.

Анна тихо рассмеялась.

Смех был коротким и страшным.

— Вы все ничего не знаете.

Военный нахмурился.

— Гражданка, не начинайте.

— Я не начинаю. Мы уже давно начали. Только никак не поймём, когда закончится.

Фридрих взял её за локоть.

— Анна.

Она выдернула руку.

— Что Анна? Я хочу знать, куда забирают моего мужа.

— Сказали — на работу.

— А вернётся когда?

Человек в форме отвёл глаза.

Фридрих быстро собрал вещи.

Их было немного: рубаша, бельё, рукавицы, кусок хлеба.

Марта сидела возле печки и смотрела.

Она уже знала, что когда взрослые начинают складывать вещи, это плохо.

— Папа, ты куда?

Он подошёл к ней.

— Работать.

— Далеко?

— Не очень.

Она сразу насторожилась.

После той дороги она больше не верила слову «далеко».

— На поезде?

— Может быть.

— А я с тобой?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это взрослая работа.

Марта задумалась.

— Ты вечером придёшь?

Фридрих посмотрел на Анну.

Та стояла у стола, прижав пальцы к губам.

— Не вечером.

— Завтра?

Он присел перед дочерью.

— Марта, помнишь, я тебе ключ дал?

Она сразу сунула руку в карман платья.

Ключ теперь лежал не там. Мать пришила его к внутреннему карману, чтобы не потерялся.

— Помню.

— Вот и береги.

— А ты?

— А я вернусь.

— Когда?

Фридрих улыбнулся.

— Когда смогу.

Это был ответ, который Марта ненавидела.

Взрослые говорили его, когда сами ничего не знали.

Он ушёл.

Анна не плакала при нём.

Только стояла у двери.

Когда за Фридрихом уже ничего не было видно, кроме снега, она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол.

Марта никогда прежде не видела мать такой.

Подошла.

Потрогала за плечо.

— Мама.

Анна закрыла лицо руками.

— Мамочка.

Тогда мать обняла её.

Очень крепко.

И сказала:

— Теперь мы с тобой вдвоём.

Но вдвоём они не были.

В одном доме жили две семьи.

Сагындык делился дровами.

Айжан приносила лепёшки.

Иногда совсем маленькие.

Иногда такие тонкие, что через них почти просвечивал свет.

Анна каждый раз говорила:

— Не надо. У вас дети.

Айжан не понимала всех слов, но смысл понимала.

Сердилась.

— Ал.

Бери.

Анна качала головой.

Айжан тогда клала хлеб прямо на стол.

И уходила.

Со временем они научились понимать друг друга без языка.

Это спасало.

В январе заболела Сауле.

Сначала просто кашляла.

Потом стала горячеей.

Потом перестала вставать.

Марта сидела рядом.

— Сауле, пойдём.

Девочка не отвечала.

— Я тебе покажу.

Марта достала свой ключ.

Это была самая ценная вещь, которая у неё была.

Раньше Сауле долго его рассматривала.

— Смотри.

Она положила ключ рядом с подругой.

Та даже не повернула голову.

Марта испугалась.

Пошла к матери.

— Мама.

Анна месила тесто.
— Что?
— Сауле не смотрит ключ.
— Спит, наверное.
— Нет.
— Марта, не мешай.
— Она горячая.
Анна остановилась.
Подошла.
Потрогала девочке лоб.
Сразу позвала Айжан.
Та прибежала из соседней комнаты.
Дальше взрослые заговорили быстро.
Слова смешались.
Русские.
Казахские.
Немецкие.
Марта понимала только одно: всё стало плохо.

К вечеру Сауле начала дышать странно.
Часто.
С короткими паузами.
Каждый вдох будто давался ей отдельно.
Сагындык хотел ехать в медпункт.
Анна посмотрела в окно.
— В такой буран?
Он кивнул.
— Надо.
— Вы дорогу найдёте?
Сагындык натянул шапку.
— Найду.
Айжан схватила его за рукав.
Что-то сказала.
Он ответил резко.
Она заплакала.
Марта стояла в углу.
Вдруг ей вспомнился Пауль.
Вагон.
Доктор.
Слова: «Сейчас главное, чтобы дышал».
Она подошла к Сауле.
Села рядом.
Стала смотреть на грудь.
Вверх.
Вниз.
Вверх.
Вниз.
Потом начала считать.
Раз.

Два.
Три.
Она не знала зачем.
Просто помнила.
Анна заметила.
— Марта, что ты делаешь?
— Считаю.
— Что?
— Как она дышит.
Мать посмотрела на неё.
— Зачем?
— Доктор так смотрел.
Анна ничего не сказала.
Только подтянула одеяло выше.

Сагындык вернулся ночью.
Не один.
С ним пришёл мужчина в длинном тулупе.
Снег на его плечах не успевал таять.
Когда он снял шапку, Марта увидела русые волосы, уже начинающие седеть.
Он поставил на стол потёртую кожаную сумку.
— Где ребёнок?
Сагындык показал.
Мужчина подошёл к Сауле.
— Свет.
Айжан зажгла вторую лампу.
Он снял перчатки.
Руки у него были красные от холода.
— Сколько дней?
Сагындык пытался объяснить.
Анна помогала.
— Вчера ещё ходила. Сегодня с утра лежит. Кашель дня три.
Мужчина кивнул.
— Температуру мерили?
— Нечем.
Он достал термометр.
Марта смотрела.
Каждое движение было важным.
Термометр.
Фонендоскоп.
Небольшой металлический футляр.
Бутылочка.
Бата.
Марта придвинулась ближе.
Мать тихо сказала:
— Не мешай.
Мужчина оглянулся.
— Пусть смотрит.
Марта замерла.

Он послушал Сауле.
Долго.
Потом ещё раз.
Спину.
Грудь.
Попросил девочку открыть рот.
Та не открыла.
Он не рассердился.
— Ну-ка, маленькая. Покажи.
Сауле отвернулась.
— Не хочешь?
Он посмотрел на Марту.
— А ты бы открыла?
Марта сразу широко открыла рот.
Мужчина улыбнулся.
— Вот видишь. Она умеет.
Сауле всё-таки приоткрыла губы.
Он посмотрел горло.
Потом стал готовить укол.
Айжан испугалась.
— Что?
Анна спросила:
— Что с ней?
Мужчина не сразу ответил.
— Похоже на воспаление лёгких.
Марта впервые слышала эти слова.
Они показались ей страшными.
Как будто лёгкие могли загореться.
Анна спросила:
— Это опасно?
Фельдшер посмотрел на ребёнка.
— Опасно.
Айжан не поняла слово, но поняла лицо.
Села рядом с дочерью.
Мужчина добавил:
— Но будем лечить.

Его звали Николай Андреевич.
Он был не врач.
Фельдшер.
Марта тогда не знала разницы.
Для неё человек с кожаной сумкой, который ночью пришёл сквозь буран к больному ребёнку, был просто доктором.
После укола Сауле заплакала.
Слабо.
Но заплакала.
Николай Андреевич сказал:
— Хорошо.
Марта удивилась.

— Почему хорошо? Ей же больно.

Он посмотрел на неё.

— Потому что силы есть.

— А если не плачет?

Он стал убирать шприц.

— Тогда иногда хуже.

Марта подумала.

— Вы знаете, она выздоровеет?

В комнате стало тихо.

Анна хотела остановить дочь.

— Марта.

Но фельдшер поднял руку.

— Пусть.

Он сел на край табурета.

— Не знаю.

Марта сразу вспомнила вагон.

Доктора.

Пауля.

— Вы тоже не знаете?

— Тоже.

Она нахмурилась.

— А зачем тогда лечите?

Николай Андреевич посмотрел на неё внимательнее.

Может быть, узнал в вопросе что-то большее, чем детское любопытство.

— Потому что если не лечить, мы точно ничего не сделаем.

— А если лечить?

— Тогда есть шанс.

— Какой?

Он улыбнулся.

— Это уже сложный вопрос.

Марта не отступала.

— Большой?

— Будем стараться, чтобы был большой.

Он остался почти на час.

Объяснил, как поить Сауле.

Как следить за дыханием.

Что делать, если станет хуже.

Когда он собирался уходить, Марта стояла возле двери.

— Вы опять придёте?

— Приду.

— Завтра?

— Если буран пустит.

— А если не пустит?

Николай Андреевич натянул рукавицы.

— Тогда я всё равно попробую.

— А вы не боитесь?

Он остановился.

— Чего?

— Бурана.
Фельдшер посмотрел в тёмное окно.
— Боюсь.
Марта удивилась ещё сильнее.
— Тогда зачем идёте?
Он застегнул тулуп.
— Потому что Сауле тоже страшно.
И вышел.
Марта долго стояла у двери.
Она ещё никогда не слышала такого объяснения.
Взрослые обычно говорили:
«надо»,
«положено»,
«приказали»,
«так вышло».
А этот человек сказал совсем другое.
Потому что другому страшно.

Ночью Марта не спала.
Сауле дышала.
Иногда часто.
Иногда медленнее.
Марта лежала рядом с матерью и считала про себя.
Раз.
Два.
Три.
Четыре.
Потом сбивалась.
Начинала снова.
Анна открыла глаза.
— Ты чего не спишь?
— Слушаю.
— Кого?
— Сауле.
— Зачем?
— Чтобы знать.
— Что знать?
Марта не смогла объяснить.
Повернулась к матери.
— Мам.
— Что?
— А этот доктор хороший?
— Он фельдшер.
— Это хуже?
Анна задумалась.
— Не хуже. Другое.
— А кто лучше?
— Не знаю.
— А врач?

— Врач дольше учится.
Марта подняла голову.
— Сколько?
— Много лет.
— Зачем?
— Чтобы знать больше.
— Всё?
Анна улыбнулась устало.
— Всё никто не знает.
Марта снова легла.
Через минуту спросила:
— А девочки могут?
— Что?
— Быть доктором.
Анна повернулась к ней.
— Конечно.
— Правда?
— Правда.
— А немцы?
Анна не ответила сразу.
Марта заметила паузу.
— Мам?
— Спи.
— А немцы могут?
Анна закрыла глаза.
— Когда вырастешь, там видно будет.
Это был не ответ.
Но Марта была ещё слишком мала, чтобы понять почему.

Сауле выжила.
На третий день температура стала ниже.
На пятый она сама попросила воды.
На седьмой впервые села.
Марта сразу принесла ключ.
— Смотри.
Сауле улыбнулась.
Слабо.
Но улыбнулась.
Марта выбежала к матери.
— Она посмотрела!
— Что?
— На ключ! Она посмотрела на ключ!
Анна рассмеялась.
— Ну, значит, точно поправляется.
Когда Николай Андреевич пришёл снова, Марта встретила его у двери.
— Она уже сидит.
— Я вижу.
— И воду просит.
— Это хорошо.

— И ключ смотрела.
Фельдшер не понял.
— Какой ключ?
Марта достала его.
— Вот.
Он взял тяжёлый железный ключ.
— От чего?
— От дома.
— Какого дома?
— Нашего.
Анна стояла у печи.
Она замерла.
Николай Андреевич посмотрел на неё.
Потом вернул ключ Марте.
— Береги.
— Я берегу.
— Правильно.
Марта спросила:
— А у вас есть такой?
— Какой?
— Чтобы домой.
Он усмехнулся.
— У меня обычный. От двери.
Марта покачала головой.
— Нет. Это другой.
Фельдшер не стал спорить.

Перед уходом он заметил, что Марта рассматривает его сумку.
— Нравится?
— Что там?
— Много всего.
— Покажете?
— Всё нельзя.
— Почему?
— Потому что лекарства не игрушки.
Он достал фонендоскоп.
— Вот это можно.
Марта осторожно взяла.
— А что он делает?
— Слушает.
— Уши?
— Сердце. Лёгкие.
— Можно меня?
Николай Андреевич приложил металлическую головку к её груди.
— Дыши.
Марта вдохнула так глубоко, что чуть не закашлялась.
— Не так сильно.
— А как?
— Просто.

Она попробовала снова.
Он дал ей трубки.
— Слушай.
Марта услышала.
Сначала шорох.
Потом звук.
Ровный.
Глубокий.
Её собственное дыхание вдруг оказалось где-то внутри, отдельно от неё.
Она широко раскрыла глаза.
— Это я?
— Ты.
— Там шумит.
— Воздух.
— Он всё время так?
— Пока человек дышит.
Марта слушала ещё.
Потом Николай Андреевич приложил фонендоскоп к другой стороне груди.
— А теперь сердце.
Она услышала быстрые удары.
— Оно громкое.
— У детей быстрее.
— Почему?
— Когда подрастёшь — узнаешь.
— А вы скажите.
— Если всё сейчас расскажу, зачем тебе потом учиться?
Марта посмотрела на него.
— А можно?
— Что?
— Учиться этому?
— Конечно.
— Очень долго?
— Очень.
Она улыбнулась.
— Я умею долго.
Николай Андреевич посмотрел на неё и почему-то перестал улыбаться.
— Это полезное качество.

После его ухода Марта нашла кусок бумаги.
Бумаги в доме почти не было, поэтому мать сначала рассердилась.
— Ты откуда взяла?
— Там лежало.
— Это для записей.
— Я тоже записываю.
— Что?
Марта показала.
На листе был нарисован человек.
Очень большой.
В длинном халате.

В одной руке — сумка.
В другой — что-то похожее на ложку.
Рядом лежал маленький человек.
Анна посмотрела.
— Это кто?
— Доктор.
— А это?
— Сауле.
— А почему доктор такой огромный?
Марта удивилась вопросу.
— Потому что он пришёл.
Будто этим всё объяснялось.
Анна хотела улыбнуться, но не смогла.
Погладила дочь по голове.
— Рисуи.

Весной Марта уже почти перестала помнить холод той зимы.
Дети быстро забывают температуру воздуха.
Но она запомнила другое.
Чёрную медицинскую сумку.
Красные от мороза руки.
Металлический круг фонендоскопа.
И человека, который сказал, что боится бурана, но всё равно идёт к больному ребёнку.
Много лет спустя, когда Марта Фридриховна Вебер сама будет выходить ночью из больницы и садиться в машину, чтобы ехать к ребёнку в далёкое село, она однажды неожиданно вспомнит ту зиму.
И поймёт: возможно, её путь в медицину начался не в институте.
Не в училище.
И даже не в больнице, где она впервые надела белый халат.
Он начался в маленьком саманном доме посреди казахской степи, когда человек с потёртой кожаной сумкой вошёл с мороза и сказал:
— Где ребёнок?

Глава 4. Школа

Отец вернулся через два года.

Марта сначала его не узнала.

Весной во двор вошёл худой человек в слишком большом ватнике. Он остановился у калитки, долго смотрел на дом, потом медленно снял шапку.

Сагындык вышел первым.

Прищурился.

— Фридрих?

Человек кивнул.

Айжан всплеснула руками.

Анна выбежала из дома так быстро, что едва не поскользнулась на мокрой земле.

Они несколько секунд стояли друг перед другом.

Марта смотрела из дверей.

Она помнила отца другим.

Шире в плечах.

Темнее волосами.

Громче голосом.

А этот человек был сутулый, с глубоко запавшими щеками и серым лицом. На висках уже появилась седина.

Анна подняла руку, будто хотела коснуться его лица, но остановилась.

— Фридрих...

Он улыбнулся.

— Ну вот.

Только и сказал.

Она всё-таки обняла его.

Марта стояла в дверях.

Отец посмотрел поверх плеча жены.

Увидел дочь.

— Марта.

Она не двинулась.

Он осторожно высвободился из объятий Анны.

— Не узнаёшь?

Марта молчала.

Он присел.

— Это я.

Она вдруг увидела его руки.

И вспомнила.

Большие пальцы.

Широкие ладони.

И маленький шрам возле большого пальца на правой руке.

Она подбежала.

— Папа!

Он поднял её.

Хотел поднять высоко, как раньше, но не смог.

Только прижал к себе.

Анна отвернулась.

Марта почувствовала, что отец дрожит.

— Ты теперь большая.
— Я в школу скоро.
— Правда?
— И читать умею немного.
Он посмотрел на неё.
— Значит, я всё пропустил.
Марта не поняла, почему после этих слов мать снова отвернулась.

Фридрих почти не рассказывал, где был.
На вопросы отвечал коротко.
— Работали.
— Где?
— Далеко.
— Что делали?
— Разное.
Анна однажды ночью спросила:
— Тебя били?
Марта не спала.
Лежала за перегородкой и слышала.
Долго было тихо.
Потом отец сказал:
— Не надо.
— Я должна знать.
— Зачем?
— Потому что ты мой муж.
— Тогда тем более не надо.
После этого они больше не говорили.
На следующий день отец починил табурет.
Потом дверную петлю.
Потом сделал для Марты маленькую деревянную полку.
Он всё время что-нибудь делал.
Как будто боялся сидеть без дела.

В школу Марта пошла позже некоторых сверстников.
Не потому, что не хотела.
Потому что не было обуви.
Осенью мать всё-таки выменяла у соседей пару старых ботинок.
Они были велики.
В носки пришлось набить тряпки.
Марта ходила осторожно, высоко поднимая ноги.
Школа располагалась в длинном одноэтажном здании.
В классе пахло мелом, угольной печью и мокрой одеждой.
Учительницу звали Елена Михайловна.
Она была молодая, строгая и носила тонкие круглые очки.
Первое, что она сделала, — записала фамилии.
— Вебер Марта Фридриховна.
Марта встала.
— Здесь.
Учительница посмотрела в журнал.

— Национальность?

Марта не знала, что ответить.

Кто-то с задней парты сказал:

— Немка.

Несколько детей засмеялись.

Елена Михайловна подняла голову.

— Кто сказал?

Тишина.

— Я спрашиваю Марту.

Марта тихо ответила:

— Немка.

Учительница записала.

— Садись.

Ничего больше не сказала.

Но Марта ещё долго чувствовала, будто в классе смотрят именно на неё.

Училась она легко.

Особенно любила чтение и естествознание.

Математика давалась тоже хорошо, но не радовала.

Числа были слишком безразличными.

А в учебнике про растения, животных и человека всё было живым.

Особенно её заинтересовали страницы о сердце.

Там был рисунок.

Красный орган, разделённый на камеры.

Марта долго его рассматривала.

Потом спросила учительницу:

— Оно правда такое?

— Какое?

— Некрасивое.

Класс засмеялся.

Елена Михайловна тоже улыбнулась.

— А каким ты его представляла?

Марта задумалась.

— Не знаю. Наверное, более... круглым.

— Это не картинка для открытки. Это орган.

— А если оно остановится?

— Человек умрёт.

— Сразу?

Учительница посмотрела внимательнее.

— Обычно да.

— А запустить можно?

Класс снова засмеялся.

Елена Михайловна постучала карандашом по столу.

— Тише.

Потом сказала Марте:

— Иногда врачи могут помочь. Но не всегда.

Марта нахмурилась.

— Почему у врачей всё не всегда?

Теперь учительница уже не улыбалась.

— Потому что человек сложнее учебника.

Николай Андреевич иногда приходил в школу.

Проверял детей.

Слушал лёгкие.

Смотрел горло.

Измерял рост.

Когда очередь доходила до Марты, он всегда узнавал её.

— Ну что, доктор?

Она краснела.

— Я не доктор.

— Пока.

— Вы всем так говорите?

— Нет.

— Почему мне?

Он делал серьёзное лицо.

— Потому что ты задаёшь слишком много вопросов.

— Это плохо?

— Для окружающих — иногда.

Марта улыбалась.

— А для врача?

— Для врача хуже, если он перестаёт спрашивать.

К двенадцати годам она уже помогала Айжан ухаживать за младшими детьми.

Знала, как измерить температуру.

Как развести соль в воде.

Как обработать царапину.

Как уложить ребёнка, если ему тяжело дышать.

Ничего особенного.

Но в селе к ней иногда обращались.

— Марта, посмотри, у него горячий лоб.

Она сердилась.

— Я не врач.

Ей отвечали:

— Но ты знаешь.

Она не знала.

И именно это беспокоило больше всего.

Каждый раз, когда кто-то спрашивал совета, Марта вспоминала слова Николая Андреевича:

«Если не знаешь — не придумывай».

Однажды весной заболел маленький сын соседки.

Высокая температура.

Рвота.

Он лежал тихо, почти не реагировал.

Мать ребёнка прибежала к Веберам.

— Марта, иди.

Анна сразу сказала:

— Она ребёнок.

— Она понимает.
— Она ничего не понимает.
Марта уже надевала пальто.
— Я только посмотрю.
Мать схватила её за руку.
— Ты куда?
— К ним.
— Зачем?
— Вдруг надо вызвать Николая Андреевича.
Анна посмотрела на дочь.
— А если не надо?
— Тогда скажет он.
Эта фраза остановила её.
Марта побежала.
Ребёнок был очень горячий.
Она потрогала лоб.
Позвала его.
Он не ответил.
— Где отец?
— На работе.
— Кто-нибудь может доехать до медпункта?
— Сейчас попробуем.
Марта не стала изображать врача.
Просто сказала:
— Надо звать Николая Андреевича.
Фельдшер приехал через два часа.
Потом ребёнка увезли.
Через несколько дней мать пришла к Веберам.
Принесла яйца.
— Возьмите.
Анна отказалась.
— За что?
Женщина посмотрела на Марту.
— Она сказала не ждать.
Марта смутилась.
— Я ничего не сделала.
Женщина улыбнулась.
— Иногда это тоже что-то.

Годы шли.
Марта росла быстро.
В тринадцать уже почти догнала мать.
В четырнадцать стала помогать в школе младшим ученикам.
В пятнадцать читала всё, что могла найти о медицине.
Книг почти не было.
Она выписывала отдельные страницы из старых учебников.
Переписывала определения.
Рисовала органы.
Однажды Николай Андреевич принёс ей потрёпанную книгу.

«Основы анатомии и физиологии человека».

На обложке не хватало угла.

Несколько страниц были испачканы.

Марта взяла книгу обеими руками.

— Мне?

— Тебе.

— Совсем?

— Совсем.

— А вам?

— Я её уже прочитал.

Она прижала книгу к груди.

— Я верну.

— Не надо.

— Тогда я тоже кому-нибудь потом отдам.

Николай Андреевич улыбнулся.

— Вот это уже хороший ответ.

Дома отец относился к её мечтам осторожно.

Однажды вечером он увидел анатомический рисунок на столе.

— Опять?

— Что опять?

— Сердца, лёгкие.

— Это печень.

Он посмотрел.

— Ещё лучше.

Марта улыбнулась.

Отец сел напротив.

— Ты правда хочешь быть врачом?

Она сразу стала серьёзной.

— Да.

— Сколько лет уже хочешь?

— Не знаю.

— Значит, давно.

— Наверное.

Он помолчал.

— Это тяжёлая работа.

— Я знаю.

— Не знаешь.

— Почему?

— Потому что пока только читаешь.

Марта закрыла книгу.

— А ты против?

Фридрих медленно покачал головой.

— Я не против.

— Тогда что?

Он посмотрел на дверь.

Потом на жену.

Анна сидела у окна и штопала рубашку.

— Не всё зависит от того, чего человек хочет.

Марта напряглась.

— Это опять потому что мы немцы?

В комнате стало тихо.

Анна перестала шить.

Отец долго не отвечал.

— Не только.

— Но и поэтому?

Он вздохнул.

— И поэтому тоже.

— А если я хорошо учусь?

— Это важно.

— Если закончу школу лучше всех?

— Важно.

— Если сдам экзамены?

— Тоже.

— Тогда почему меня могут не взять?

Фридрих смотрел на дочь.

— Потому что есть вещи, которые ты не выбирала.

Марта встала.

— Я не выбирала, что я немка.

— Я знаю.

— Я вообще ничего не выбирала.

— Я знаю.

— Тогда почему за это отвечаю я?

Отец не нашёл ответа.

Она впервые увидела это так ясно.

Не взрослую осторожность.

Не нежелание говорить.

А отсутствие ответа.

Марта ушла в другую комнату.

Хлопнула дверь.

Анна тихо сказала:

— Зачем ты ей сейчас?

Фридрих ответил:

— Лучше от меня, чем потом от чужого человека.

Через час Марта вернулась.

Села за стол.

Открыла книгу.

Отец всё ещё был там.

— Ты сердишься?

Она не подняла головы.

— Да.

— На меня?

— Нет.

— Тогда на кого?

Марта провела пальцем по рисунку печени.

— Не знаю.

Отец улыбнулся краем губ.

— Это хуже.
Она наконец посмотрела на него.
— Я всё равно попробую.
Фридрих кивнул.
— Я этого и боялся.
— Почему?
— Потому что если очень хочешь, больнее, когда не дают.
Марта задумалась.
— А если не пробовать, не больно?
Он посмотрел на дочь.
— Иногда ещё больнее.
После этого они долго сидели молча.

В выпускном классе вопрос о будущем уже нельзя было откладывать.
Учителя спрашивали, куда она собирается.
Одноклассники выбирали техникумы, училища, работу.
Марта отвечала одинаково:
— В медицинский.
Некоторые удивлялись.
Некоторые пожимали плечами.
Елена Михайловна однажды оставила её после уроков.
— Марта.
— Да?
— Ты действительно решила?
— Да.
— Понимаешь, что могут быть сложности?
— Все так говорят.
— Это не значит, что все неправы.
Марта стояла у окна.
Во дворе дети бегали по талому снегу.
— А вы хотите сказать, чтобы я неехала?
— Нет.
— Тогда что?
Учительница подошла к столу.
— Я хочу, чтобы ты знала: если тебе откажут, это ещё не означает, что ты хуже других.
Марта посмотрела на неё.
— А что будет означать?
Елена Михайловна не ответила сразу.
— Что иногда решение принимают не по тем причинам, которые пишут на бумаге.
Марта сжала губы.
— Тогда надо пробовать ещё раз.
Учительница улыбнулась.
— Вот теперь я спокойна.

В день последнего школьного звонка Марта пришла домой с аттестатом.
Оценки были почти все отличные.
Отец долго рассматривал документ.
— Хорошо.
— Только хорошо?

— Очень хорошо.
— Вот.
Она показала пальцем на оценки.
— Теперь возьмут.
Фридрих поднял глаза.
В них было что-то, что Марте не понравилось.
Не сомнение.
Знание.
— Надеюсь.
— Ты опять так.
— Как?
— Будто уже знаешь, что нет.
Он положил аттестат на стол.
— Я знаю только одно.
— Что?
— Ты сделала всё, что от тебя зависело.
Марта взяла документ.
— Этого должно хватить.
Отец ничего не ответил.

Через несколько недель она собрала бумаги.
Аттестат.
Характеристику.
Справки.
Фотографии.
Заявление.
Анна помогла сложить всё в папку.
Марта надела лучшее платье.
Перед дорогой подошла к зеркалу.
Долго смотрела на себя.
Высокая.
Худая.
Светлые волосы собраны назад.
Серьёзные глаза.
Отец стоял в дверях.
— Готова?
— Да.
— Страшно?
Она хотела сказать «нет».
Но вспомнила Николая Андреевича.
— Да.
Фридрих улыбнулся.
— Тогда всё правильно.
— Почему?
— Потому что если совсем не страшно, значит, не очень важно.
Марта взяла папку.
Перед выходом машинально коснулась внутреннего кармана.
Ключ всё ещё был с ней.
Тот самый.

От двери, которой больше не было в её жизни.

Она вышла из дома.

Впереди был медицинский институт.

И первое настоящее «нет», которое ей ещё только предстояло услышать.

Глава 5. Первое «нет»

Город встретил Марту пылью.

Автобус шёл долго, останавливался почти у каждого села, набирал людей, мешки, корзины, коробки. К полудню салон стал душным, окна покрылись серой плёнкой дорожной пыли, а Марта всё сильнее сжимала на коленях папку с документами.

Она несколько раз проверяла, всё ли на месте.

Аттестат.

Характеристика.

Фотографии.

Справки.

Заявление.

Каждый лист был аккуратно вложен в свою сторону папки, и от этого ей становилось спокойнее. Бумаги были тем, что можно проверить. Можно было пересчитать, перечитать, поправить уголок.

Люди были сложнее.

Перед зданием института толпились абитуриенты.

Девушки в светлых платьях, юноши в рубашках, родители, стоящие чуть поодаль с таким видом, будто от одного их присутствия ребёнку непременно прибавится несколько баллов.

Марта остановилась у входа.

На фасаде висела табличка.

Она прочитала её медленно, хотя название знала наизусть.

Медицинский институт.

Потом посмотрела на окна.

Высокие.

Открытые.

За ними кто-то ходил по коридорам, что-то переносил, разговаривал, смеялся.

Там уже была жизнь, в которую она хотела войти.

Ей вдруг стало страшно до смешного.

Она вспомнила слова отца.

«Если совсем не страшно, значит, не очень важно».

И пошла внутрь.

Приёмная комиссия находилась на втором этаже.

В коридоре стояла очередь.

Марта заняла место за девушкой с двумя толстыми косами и матерью, которая всё время поправляла ей воротник.

— Не трогай, мама.

— У тебя криво.

— Нормально.

— Я вижу, как нормально.

Марта невольно улыбнулась.

Девушка обернулась.

— Вы тоже на лечебный?

— На педиатрический.

— А я на лечебный.

— Экзамены когда?

— Послезавтра первый.

Они разговорились.

Девушку звали Лариса. Она приехала из районного центра, отец у неё работал бухгалтером, мать — учительницей.

— А вы откуда?

Марта назвала село.

— Далеко?

— Довольно.

— Одна приехали?

— Да.

Ларисина мать посмотрела на неё с уважением.

— Молодец. Я свою одну не отпустила бы.

Лариса закатила глаза.

— Вот видите?

Марта снова улыбнулась.

Ей понравилось, что разговор был обычным.

Никто не спрашивал, кто она.

Никто не произносил слово «немка».

Никто не знал про комендатуру, спецпоселение, отца, трудовую армию.

В этом коридоре она была просто абитуриенткой.

И ей хотелось, чтобы так оставалось.

Очередь двигалась медленно.

Из кабинета выходили люди.

Одни довольные.

Другие растерянные.

Иногда секретарь выглядывала и говорила:

— Следующий.

Когда очередь дошла до Марты, она вошла.

За столом сидели две женщины и мужчина.

Одна женщина брала документы.

Вторая что-то записывала.

Мужчина листал анкеты.

— Фамилия?

— Вебер.

— Имя, отчество?

— Марта Фридриховна.

Женщина подняла глаза.

Всего на секунду.

— Год рождения?

Марта ответила.

— Место рождения?

Она назвала село на Украине.

Ручка остановилась.

— На Украине?

— Да.

— А проживаете в Казахстане с какого года?

— С сорок первого.

Теперь поднял голову мужчина.

— Почему переехали?

Вопрос был задан буднично.
Как будто речь шла о переезде по работе.
Марта почувствовала, как внутри всё сжалось.
— Семью выселили.
В кабинете стало чуть тише.
Не совсем тихо.
Просто ручка второй женщины перестала царапать бумагу.
Мужчина взял её анкету.
— Национальность?
Марта ответила:
— Немка.
Он снова посмотрел на неё.
Потом на документы.
— На учёте спецпоселения состоите?
— Да.
Она сказала это ровно.
Но пальцы сильнее сжали край стула.
Мужчина перелистнул несколько листов.
— Разрешение на выезд есть?
— На эту поездку есть.
— На обучение в городе?
Марта замялась.
— Мне сказали, что сначала надо подать документы.
Женщина за столом наконец вмешалась.
— Кто сказал?
— В школе.
— Школа не оформляет режимные вопросы.
Марта не сразу поняла выражение.
— А что нужно?
Мужчина положил анкету перед собой.
— Вам следовало сначала получить соответствующее разрешение.
— Я могу получить.
— Возможно.
— Тогда я привезу.
Он посмотрел на женщину.
Та едва заметно покачала головой.
Марта увидела это.
И впервые почувствовала, что разговор уже закончился, хотя никто ещё не сказал последнего слова.
— Документы вы примете? — спросила она.
Женщина сложила руки.
— Девушка, поймите правильно. У нас большой конкурс.
— Я понимаю.
— И существуют определённые требования.
— Я тоже понимаю.
— Не думаю, что вам сейчас имеет смысл оставлять документы.
— Почему?
Мужчина снова взял анкету.

— Потому что вопрос вашего проживания и обучения вне места спецпоселения не решён.

— Но экзамены я могу сдать?

Он помолчал.

— Формально вопрос сначала должен быть урегулирован.

Марта смотрела на него.

— А если я сдам хорошо?

Женщина отвела взгляд.

Мужчина ответил:

— Дело не только в экзаменах.

Вот оно.

Не прямое «нет».

Не запрет.

Не приказ.

Всего несколько спокойных слов.

Дело не только в экзаменах.

Марта почувствовала, что жарко.

Очень жарко.

Хотя окно было открыто.

— Тогда в чём?

Мужчина посмотрел на неё устало.

Не зло.

И это было хуже.

Если бы он был грубым, можно было бы сердиться именно на него.

Но перед ней сидел человек, который, кажется, уже много раз говорил такие вещи.

— В вашем положении.

— В каком именно?

Женщина тихо сказала:

— Не надо.

Но Марта уже не могла остановиться.

— В том, что я немка?

Мужчина нахмурился.

— Я этого не говорил.

— А что вы сказали?

— Я сказал, что существуют ограничения.

— Для кого?

Он помолчал.

— Для спецпоселенцев.

Марта кивнула.

Медленно.

— Значит, для меня.

Никто не ответил.

Она забрала папку.

В коридоре всё было как прежде.

Кто-то смеялся.

Кто-то повторял вопросы по химии.

Лариса стояла у окна.

— Ну что?

Марта ответила:

— Ничего.

— Приняли?

— Нет.

— Почему?

Марта посмотрела на неё.

Хотела сказать правду.

Но вдруг поняла, что не хочет объяснять.

Не сейчас.

— Не хватает документов.

— Так привезёте.

— Наверное.

Ларисина мать сказала:

— Обязательно привезите. Не сдавайтесь.

Марта улыбнулась.

— Да.

И пошла к лестнице.

На улице она долго стояла у института.

Не знала, куда идти.

Автобус обратно был только вечером.

До него оставалось несколько часов.

Она могла бы пройтись по городу.

Зайти в магазин.

Купить что-нибудь матери.

Но ноги не двигались.

Марта села на лавку.

Положила папку рядом.

Через открытое окно на втором этаже кто-то говорил:

— Следующий!

Она посмотрела вверх.

Потом на свои руки.

Ничего не случилось.

Её не арестовали.

Не выгнали.

Не оскорбили.

Просто документы не приняли.

Всего лишь.

И от этого было особенно горько.

Не было даже события, которое можно рассказать.

— Что произошло? — спросит отец.

Что она скажет?

«Мне вежливо объяснили, что я не подхожу».

Рядом села пожилая женщина с сеткой.

— Девушка, вам плохо?

Марта качнула головой.

— Нет.

— Бледная.

— Жарко.

Женщина посмотрела на небо.
— Сегодня не так жарко.
Марта неожиданно рассмеялась.
Женщина удивилась.
— Что?
— Ничего. Извините.
Она встала.
Пошла по улице.

В тот день она впервые увидела городскую больницу.
Совершенно случайно.
Большое серое здание находилось недалеко от автобусной остановки.
Перед входом стояла санитарная машина.
Из неё вынесли носилки.
Марта замедлила шаг.
На носилках лежал мальчик.
Лет десяти.
Лицо белое.
Рядом бежала женщина.
— Осторожно! Осторожно, пожалуйста!
Двери открылись.
Люди исчезли внутри.
Марта осталась у ворот.
И вдруг подумала:
там сейчас работают врачи.
Не в институте.
Не за столом приёмной комиссии.
Там.
За этими дверями.
Кто-то моет пол.
Кто-то меняет бельё.
Кто-то ставит укол.
Кто-то слушает сердце.
Кто-то принимает решение.
Больнице было всё равно, приняты сегодня её документы или нет.
Больные всё равно болели.
Дети всё равно нуждались в помощи.
Эта мысль возникла неожиданно.
И зацепилась.

Домой она приехала поздно.
Анна ждала возле калитки.
По лицу матери Марта поняла, что та надеется.
И сразу отвела глаза.
— Ну?
— Не приняли.
Анна замерла.
— Документы?
— Документы.

— Почему?
Марта прошла в дом.
Отец сидел за столом.
Не спросил.
Только посмотрел.
Она положила папку.
— Вы были правы.
Фридрих медленно поднялся.
— В чём?
— В том, что хороших оценок мало.
— Я не хотел быть прав.
Марта резко ответила:
— Но были.
Анна подошла ближе.
— Что они сказали?
— Что вопрос моего обучения вне места спецпоселения не урегулирован.
Отец опустил глаза.
— Понятно.
— Нет, мне непонятно.
Он посмотрел на неё.
— Марта...
— Почему мне нельзя учиться, если я сдам экзамены?
— Я не знаю.
— Знаешь.
— Знать и соглашаться — разные вещи.
— Тогда объясни.
Фридрих сел.
Долго молчал.
Потом сказал:
— Иногда человеку дают понять, что дверь закрыта, но не объясняют, кто её запер.
Марта усмехнулась.
— Красиво.
— Что?
— Красиво сказано.
Отец понял.
— Ты сердишься.
— Да.
— Имеешь право.
— Мне от этого легче?
— Нет.
Она отвернулась.
— Тогда зачем право?
Фридрих не ответил.

За ужином почти не говорили.
После еды Анна убрала со стола.
Марта сидела у окна.
На улице уже темнело.
Отец вышел во двор.

Через несколько минут она тоже вышла.

Он стоял возле сарая.

Курил.

Марта знала, что отец курит только когда ему особенно тяжело.

— Пап.

Он выбросил папиросу.

— Что?

— А если попробовать в другом году?

— Попробуй.

— А если опять не возьмут?

Фридрих пожал плечами.

— Попробуй ещё.

— И так сколько?

— Пока сама не решишь, что хватит.

Она посмотрела на него.

— А ты бы сколько раз пробовал?

Он усмехнулся.

— Я?

— Да.

— Я уже старый для таких вопросов.

— Уходишь от ответа.

— Умная стала.

Марта не улыбнулась.

— Мне серьёзно.

Отец подумал.

— Один раз я бы попробовал.

— Всего?

— Второй раз попробовал бы уже назло.

— А третий?

Он посмотрел на дочь.

— Третий — потому что после двух раз жалко останавливаться.

Марта всё-таки улыбнулась.

— Значит, три.

— Не цепляйся к цифрам.

— А потом?

Фридрих стал серьёзным.

— А потом надо искать другой путь.

— Какой?

— Не знаю. Но дорога редко бывает только одна.

Марта ничего не сказала.

На следующий день она пошла в районную больницу.

Не ту городскую.

Свою.

Небольшую.

С одноэтажным хирургическим корпусом, терапевтическим отделением и старым деревянным зданием, где размещались детские койки.

Во дворе сушилось бельё.

У крыльца стояла телега.

Из открытого окна пахло карболкой.
Марта остановилась.
Этот запах она сразу узнала.
Николай Андреевич иногда приносил его с собой из медпункта.
Внутри было прохладно.
За столом возле входа сидела пожилая женщина в белом халате.
— Вам кого?
— Я по работе.
Женщина посмотрела поверх очков.
— Какой работе?
— Любой.
— Это больница.
— Я знаю.
— Тогда зачем говорите «любой»?
Марта смутилась.
— Я хочу работать здесь.
— Кем?
Вот тут она поняла, что не продумала ответ.
— Не знаю.
Женщина вздохнула.
— Девушка, это не биржа труда.
— А санитарки вам нужны?
Женщина снова посмотрела на неё.
Уже внимательнее.
— Санитарки всегда нужны.
— Я могу.
— Что можете?
— Работать.
— Это все говорят.
— Я правда могу.
— Полы мыть можете?
— Могу.
— Судна выносить?
Марта замялась всего на секунду.
— Могу.
— Кровь не боитесь?
Она вспомнила больного мальчика у городской больницы.
— Не знаю.
Женщина хмыкнула.
— Хороший ответ.
— Почему?
— Обычно кто говорит «не боюсь», тот первым и падает.
Она встала.
— Как зовут?
— Марта Вебер.
Пауза была короткой.
Но Марта её заметила.
— Немка?
— Да.

Женщина кивнула.

Просто кивнула.

— Мне без разницы. Полы от национальности чище не становятся.

Марта впервые за два дня рассмеялась по-настоящему.

Женщина тоже улыбнулась.

— Идите за мной.

Её привели к старшей сестре.

Потом к заведующей хозяйством.

Потом ещё куда-то.

Задавали вопросы.

Сколько лет.

Где живёт.

Закончила ли школу.

Почему не идёт учиться.

На последний вопрос Марта отвечала коротко:

— Не получилось.

Никто особенно не расспрашивал.

В больнице у людей были другие заботы.

В конце концов ей сказали:

— Если документы в порядке, с понедельника выходите.

Марта не сразу поверила.

— Всё?

— А что вы ожидали?

— Не знаю.

— Халат дадим.

— Белый?

Женщина посмотрела на неё с удивлением.

— Конечно белый. Какой же ещё?

Марта почувствовала, что улыбается.

Совсем по-детски.

— Никакой.

Первый рабочий день начался в шесть утра.

Ей выдали халат.

Слишком большой.

Рукава пришлось подвернуть.

Колпак всё время съезжал набок.

Пожилая санитарка по имени Валентина Петровна посмотрела на неё и сказала:

— Ну что, доктор, пойдём медицину изучать?

Марта вздрогнула.

— Я не доктор.

— Здесь все первые три дня доктора. Потом проходит.

— Что проходит?

— Гордость.

Она сунула Марте ведро.

— Вот твоя первая операция.

Марта посмотрела внутрь.

Грязная вода.

Тряпка.

— Коридор?

— Коридор.

— Весь?

— А ты думала, половину?

Марта взяла ведро.

Валентина Петровна пошла впереди.

— Здесь у нас терапия. Там хирургия. Дальше детское. Не бегать. Не путаться под ногами. Если сестра сказала — делаешь. Если врач сказал — делаешь быстро. Если больной зовёт — не проходишь мимо.

— А если я не знаю, что делать?

Санитарка остановилась.

— Зовёшь того, кто знает.

— Всё?

— А ты хочешь, чтобы я тебе за пять минут институт закончила?

Марта улыбнулась.

— Нет.

— Вот и хорошо.

Они пошли дальше.

У двери одной палаты Валентина Петровна вдруг сказала:

— И ещё.

— Что?

— Не привыкай слишком быстро.

— К чему?

Санитарка посмотрела в палату.

На койке лежала старуха.

Очень худая.

Глаза закрыты.

— Ко всему.

Марта не поняла.

Но запомнила.

К полудню у неё болела спина.

К вечеру — ноги.

Руки пахли мылом и дезинфицирующим раствором.

Она успела вымыть три коридора, перенести два таза, поменять бельё, подать воду, помочь старой женщине сесть, потом снова лечь.

Один раз её вырвало.

Она увидела кровь после перевязки.

Валентина Петровна отвела её к окну.

— Дыши.

Марта закрыла глаза.

— Я не упаду.

— Не геройствуй. Лучше сядь.

— Я не боюсь крови.

— Уже вижу.

— Просто запах.

— Конечно. У всех сначала «запах».

Марта прислонилась к стене.

— Это пройдёт?
— Если не пройдёт — будешь бухгалтером.
— Не буду.
— Тогда пройдёт.
Через пять минут Марта вернулась в палату.

Домой она пришла почти без сил.
Мать посмотрела на халат в её сумке.
— Ну?
— Что?
— Как?
Марта сняла обувь.
Села прямо у двери.
— Тяжело.
Анна улыбнулась.
— И всё?
Марта подумала.
— Нет.
— А что ещё?
Она подняла глаза.
— Я хочу завтра обратно.
Отец сидел у стола.
Он ничего не сказал.
Только кивнул.

Ночью Марта долго не могла уснуть.
Перед глазами были больничные коридоры.
Лица.
Чужие руки.
Белые простыни.
Кровь на бинте.
Ведро.
Швабра.
Запах хлорки.
Ничего похожего на мечту.
И всё же впервые после возвращения из города она не чувствовала, что стоит перед закрытой дверью.
Она оказалась внутри.
Пусть с ведром.
Пусть не врачом.
Пусть даже не медсестрой.
Но там, где люди болели и где им помогали.
Перед сном Марта достала из ящика старую книгу Николая Андреевича.
Открыла на странице с рисунком сердца.
Потом закрыла.
На следующий день вставать нужно было в пять.
Она погасила лампу.
Первое «нет» она уже слышала.
Теперь начинался другой путь.

Глава 6. Санитарка

Через две недели Марта перестала путаться в коридорах.

Через месяц научилась по шагам узнавать некоторых врачей.

Через два — различать запахи отделений.

В хирургии пахло эфиром, йодом и мокрой марлей.

В терапии — лекарствами, старой одеждой, молоком и чем-то тёплым, тяжёлым, почти домашним.

В детском отделении пахло совсем иначе.

Кашей.

Мочёными пелёнками.

Мылом.

Иногда жаром.

Иногда страхом.

Марта особенно часто задерживалась именно там.

Не потому, что ей поручали.

Просто ноги сами несли.

Валентина Петровна довольно быстро это заметила.

— Опять к детям?

— Я бельё отношу.

— Бельё можно отнести за две минуты.

— Я и отнесу.

— А обратно придёшь через двадцать.

Марта улыбалась.

— Там иногда помочь надо.

Валентина Петровна качала головой.

— Всё тебе помочь надо.

Потом, помолчав, добавляла:

— Только смотри, чтобы самой потом помощь не понадобилась.

Она училась у всех.

У сестёр — как правильно перестилать койку под лежащим больным.

У санитарок — как поднять тяжёлого человека, не уронив ни его, ни себя.

У врачей — пока только смотреть.

Смотреть внимательно.

Не мешать.

Не задавать вопросы в самый неподходящий момент.

Это оказалось труднее, чем она думала.

Вопросов было слишком много.

Почему одному ребёнку дают кислород, а другому нет?

Почему у одного температура высокая, а руки холодные?

Почему врач, выслушав лёгкие, вдруг просит показать живот?

Почему перед операцией нельзя пить?

Почему у маленьких детей болезнь иногда начинается совсем не так, как у взрослых?

Она спрашивала сестру Нину Аркадьевну.

Та сначала отвечала коротко.

Потом привыкла.

— Ты опять?

— Только один вопрос.
— У тебя никогда не бывает одного.
— Сегодня будет.
— Ну, давай.
Марта спрашивала.
Нина Аркадьевна отвечала.
Потом Марта задавала второй.
— Вот видишь.
— Он из первого получился.
— У тебя всё из чего-нибудь получается.

Однажды вечером в детское отделение привезли мальчика лет шести.
Худого.
С белым лицом.
Он лежал, подтянув колени к животу, и тихо стонал.
Мать держала его за руку.
— Доктор сейчас придёт?
— Придёт, — сказала сестра.
— А когда?
— Уже вызвали.
Марта меняла воду в тазу.
Невольно смотрела.
Мальчик почти не двигался.
Только губы дрожали.
— Где болит? — спросила Марта.
Мать ответила за него:
— Живот.
— Сильно?
Женщина посмотрела раздражённо.
— А вы врач?
Марта сразу отступила.
— Нет.
— Тогда зачем спрашиваете?
Нина Аркадьевна подошла.
— Она санитарка. Не сердитесь.
Женщина устало закрыла глаза.
— Простите.
Марта молча вышла.
Ей было обидно.
Не на женщину.
На себя.
Потому что та была права.

Через несколько минут пришёл дежурный врач.
Невысокий, быстрый, с резкими движениями.
Он осмотрел мальчика.
Потом нахмурился.
— Когда началось?
— Утром.

— Рвота была?

— Два раза.

— Стул?

Мать ответила.

Доктор осторожно нажал на живот.

Мальчик вскрикнул.

Марта стояла у двери.

Смотрела.

Врач заметил её.

— Вы чего здесь?

— Я...

— Если не заняты — принесите ширму.

Она побежала.

Когда вернулась, он уже говорил сестре:

— Срочно кровь. Хирурга сюда.

Марта поставила ширму.

— Что с ним?

Доктор даже не посмотрел.

— Санитаркам диагнозы не объясняем.

Фраза была сказана без злобы.

Привычно.

Марта кивнула.

И ушла.

Но внутри закипело.

Ночью мальчика увезли в операционную.

Оказался аппендицит.

Об этом Марта узнала утром.

— Почему сразу не сказали? — спросила она у Нины Аркадьевны.

— Кто?

— Доктор.

— А зачем?

— Я же спрашивала.

Сестра посмотрела на неё.

— Марта, ты должна одну вещь понять.

— Какую?

— Больница — не школа. Здесь никто не обязан тебя учить.

Марта замолчала.

Нина Аркадьевна вздохнула.

— Но если хочешь учиться — смотри, слушай и не обижайся на каждую фразу.

— Я не обижаюсь.

— Обижаешься.

— Немного.

— Вот и перестань.

Марта вытерла стол.

Потом спросила:

— А почему хирург не пришёл сразу?

Нина Аркадьевна усмехнулась.

— Всё-таки спрашиваешь.

— Я же сказала, что немного.

Главного врача она увидела не сразу.

Сергей Павлович Лебедев редко появлялся в хозяйственных коридорах.

Он ходил быстро.

Всегда с бумагами.

В больнице его побаивались.

Особенно молодые сотрудники.

Марта слышала:

— Лебедев идёт.

И разговоры сразу становились тише.

Ей было любопытно.

Когда она впервые увидела его близко, то удивилась.

Она почему-то представляла старого, седого, важного человека.

Сергей Павлович оказался лет сорока пяти.

Высокий.

Сухой.

С резкими скулами.

На виске — небольшой шрам.

Говорил негромко, но так, что его слышали все.

В тот день он остановился возле её ведра.

Марта мыла пол.

— Почему мокро?

Она подняла глаза.

— Потому что мою.

Он посмотрел на неё.

— Я вижу. Почему проход не перекрыт?

Она не поняла.

— Как?

— Люди идут. Кто-нибудь поскользнётся.

Марта покраснела.

— Сейчас поставлю стул.

— Не стул. Табличку.

— У нас нет.

— Тогда тряпку на швабру и поперёк.

Он пошёл дальше.

Марта смотрела вслед.

Валентина Петровна подошла.

— Ну что?

— Что?

— Познакомились.

— Это главный врач?

— А ты думала, министр?

Марта сердито сказала:

— Мог бы и нормально объяснить.

— Он нормально и объяснил.

— Даже не поздоровался.

— Ты на работу здороваться пришла?

Марта промолчала.

Но тряпку на швабру положила.

Через несколько недель Лебедев снова заметил её.

На этот раз в детском отделении.

Ночью привезли девочку с высокой температурой.

Ребёнок был вялый.

Губы сухие.

Мать никак не могла её напоить.

Марта села рядом.

— Давайте понемногу.

— Она не хочет.

— Не надо много.

Марта взяла чайную ложку.

Смочила губы девочки.

Потом ещё.

Мать смотрела.

— Так можно?

— Не знаю.

Марта тут же поправилась.

— То есть, наверное, можно. Сейчас сестру спрошу.

Но девочка уже сглотнула.

Тогда Марта стала давать воду по капле.

За этим их и застал Лебедев.

— Кто разрешил?

Марта вздрогнула.

— Я...

— Вы врач?

— Нет.

— Медсестра?

— Нет.

— Тогда почему вмешиваетесь?

Мать девочки встала.

— Она помогает.

Сергей Павлович посмотрел на ребёнка.

Потом на стакан.

Потом на Марту.

— Сколько выпила?

— Ложек пять.

— Рвота была?

— Нет.

— Температура?

— Тридцать девять и две.

Он посмотрел внимательнее.

— Откуда знаете?

— Сестра сказала.

— Дыхание считали?

Марта замерла.

— Да.

— Сколько?

— Тридцать восемь.
Лебедев перевёл взгляд на девочку.
— За минуту?
— Да.
— Пульс?
— Не умею.
— Хорошо, что не придумали.
Он позвал сестру.
— Нину Аркадьевну сюда.
Потом снова посмотрел на Марту.
— Фамилия?
— Вебер.
— Имя?
— Марта.
— Санитарка?
— Да.
— Давно?
— Три месяца.
— Ясно.
И ушёл.
Марта осталась стоять с ложкой.
Мать девочки шепнула:
— Он на вас рассердился?
— Наверное.
— За что?
Марта пожала плечами.
— Не знаю.
Но почему-то ей казалось, что нет.

На следующий день её вызвали к главному врачу.
Валентина Петровна сказала:
— Ну всё. Доигралась.
— Почему?
— Я откуда знаю? К главному просто так не зовут.
Марта почувствовала холод внутри.
Вспомнила документы.
Приёмную комиссию.
Папку.
«Дело не только в экзаменах».
И теперь снова кабинет.
Снова человек за столом.
Снова решение.
Она постучала.
— Войдите.
Лебедев сидел у окна.
На столе лежала история болезни.
— Вебер?
— Да.
— Садитесь.

Она села.

Сергей Павлович открыл папку.

— Школу закончили?

— Да.

— Когда?

Марта ответила.

— Почему не учитесь?

— Не поступила.

— Не сдали?

— Нет.

— Тогда почему?

Она замолчала.

Лебедев поднял глаза.

— Я спросил.

— Документы не приняли.

— Почему?

— Из-за спецпоселения.

Он кивнул.

Без удивления.

— Понятно.

Марта ждала.

Он перелистнул бумагу.

— В медицинский хотели?

— Да.

— На какой факультет?

— Педиатрический.

— Почему?

— Не знаю.

— Плохой ответ.

Она растерялась.

— Я детей люблю.

— Это ещё хуже.

Марта нахмурилась.

— Почему?

— Потому что детей любят многие. Врачу этого мало.

Она молчала.

Сергей Павлович откинулся на спинку стула.

— Вчера вы считали дыхание.

— Да.

— Почему?

— Мне показалось, что она часто дышит.

— Откуда знаете, что часто?

— Я видела раньше.

— Где?

— В детстве. Фельдшер показывал.

Лебедев несколько секунд смотрел на неё.

— И с тех пор считаете дыхание всем детям?

— Нет.

— А вчера почему?

— Потому что девочка была вялая.
— Это вы тоже определили?
Марта уже раздражалась.
— Я просто увидела.
— Вот именно.
Он закрыл историю болезни.
— Видеть мало.
— Я понимаю.
— Нет. Пока не понимаете.
— Тогда объясните.
Лебедев впервые улыбнулся.
Совсем чуть-чуть.
— Вот за это вас и вызвал.
Марта не поняла.
— За что?
— За то, что спрашиваете.
Он встал.
Подошёл к шкафу.
Достал тонкую книгу.
Положил перед ней.
— Возьмите.
Она посмотрела на обложку.
«Уход за больными детьми».
— Мне?
— Вам.
Марта осторожно взяла.
— Совсем?
— Нет. Вернёте.
— Когда?
— Когда прочитаете.
— Всю?
Лебедев поднял бровь.
— Нет, половину. Конечно всю.
Марта улыбнулась.
— Спасибо.
— Не спешите благодарить.
Он снова сел.
— И запомните: пока вы санитарка, вы не лечите. Не назначаете. Не решаете за врача.
— Я понимаю.
— Теперь, может быть, начнёте.
— Но смотреть можно?
— Нужно.
— Спрашивать?
— В подходящее время.
— А когда подходящее?
Лебедев вздохнул.
— Этому тоже придётся учиться.

После этого Сергей Павлович стал иногда останавливать её.

Не часто.
Мог спросить:
— Что сегодня видели?
Сначала Марта отвечала:
— Ничего.
Он сердился.
— В больнице не бывает «ничего».
Тогда она стала замечать больше.
У одного ребёнка температура утром была ниже, но он выглядел хуже.
Другой перестал жаловаться на боль, хотя ещё вчера плакал.
У третьего мать отвечала за него на все вопросы, и врач попросил её выйти.
— Почему? — спросила потом Марта.
Лебедев сказал:
— Потому что иногда больной говорит правду только без родственников.
— Дети тоже?
— Особенно дети.
Марта запоминала.

Однажды он взял её с собой на обход.
Не как помощницу.
Просто сказал:
— Если закончила свою работу — стой у двери и слушай.
Для Марты это было почти торжество.
Она старалась не двигаться.
Не шуршать.
Не задавать вопросов.
После обхода Лебедев спросил:
— Ну?
— Что?
— Что заметили?
Она сразу начала:
— У мальчика в третьей палате...
— Не диагноз.
— А что?
— Ребёнка.
Марта растерялась.
— Он боялся.
— Чего?
— Вас.
Лебедев удивился.
— Почему меня?
— Вы говорили с матерью, а на него почти не смотрели.
Сергей Павлович замолчал.
Марта уже пожалела.
— Извините.
— За что?
— Я, наверное, не должна была...
— Нет.
Он посмотрел в сторону палаты.

— Должны.
На следующий день Марта увидела, как он присел возле того мальчика.
Не стоял над кроватью.
Сел.
Поговорил.
Спросил, как зовут собаку дома.
Мальчик улыбнулся.
Марта ничего не сказала.
Но Сергей Павлович, проходя мимо, коротко кивнул ей.

Больница переставала быть для Марты белым зданием, где «работают врачи».
Теперь она видела её изнутри.
Ошибки.
Усталость.
Раздражение.
Чужие слёзы.
Неловкие шутки ночью.
Чай из одной кружки на троих.
Врачей, которые после бессонной смены всё равно возвращались в палату, если ребёнок начинал плакать.
Сестёр, которые могли резко ответить, а через минуту поправляли пациенту одеяло.
Санитарок, знавших о больных больше, чем им полагалось по должности.
Она поняла ещё одну вещь.
Медицина была совсем не такой красивой, как она представляла.
В ней было слишком много грязи.
Слишком много боли.
Слишком много вещей, от которых хотелось отвернуться.
И именно поэтому она нравилась Марте всё сильнее.
Потому что здесь нельзя было жить только словами.
Нужно было что-то делать.

Вечером Сергей Павлович остановил её у лестницы.
— Вебер.
— Да?
— Вы училище не рассматривали?
— Какое?
— Медицинское.
Она замерла.
— Я хотела в институт.
— Я помню.
— Училище — это не врач.
— Это путь.
— Другой.
— Именно.
Марта вспомнила отца.
«Дорога редко бывает только одна».
— А потом можно в институт?
Лебедев пожал плечами.
— Можно многое. Гарантий вам никто не даст.

— Вы думаете, мне стоит?

Он посмотрел на неё долго.

— Я думаю, вам нельзя всю жизнь оставаться санитаркой.

Марта не сразу ответила.

— Почему?

— Потому что вы слишком много смотрите.

— Это плохо?

— Для санитарки — мешает.

— А для медсестры?

Сергей Павлович усмехнулся.

— Вот поступите — узнаете.

Он пошёл дальше.

Марта осталась у лестницы.

Сердце билось быстро.

Она вдруг ясно поняла, что перед ней снова появилась дверь.

Только на этот раз никто её не закрывал.

Нужно было самой решать, войти или нет.

И впервые после неудачи в институте Марта почувствовала не обиду.

Не злость.

Не желание доказать.

А надежду.

Спокойную.

Рабочую.

Почти взрослую.

Глава 7. Медицинское училище

Решение Марта приняла не сразу.

Несколько дней она ходила с ним, как с новой вещью, которую ещё не знаешь, куда положить.

Медицинское училище.

Это было не то, о чём она мечтала.

Но и не отказ.

Не тупик.

Не коридор, в конце которого закрытая дверь.

Скорее лестница.

Ниже, чем ей хотелось.

Дольше, чем она рассчитывала.

Но всё-таки вверх.

Вечером она рассказала родителям.

Фридрих слушал молча.

Анна первая спросила:

— А жить где?

— При училище общежитие.

— Это точно?

— Так сказали.

— А деньги?

— Стипендия небольшая. И я попробую подрабатывать.

Мать сразу нахмурилась.

— Учиться и работать?

— Я уже умею.

— Ты умеешь уставать.

— Это другое.

Фридрих сидел у окна и крутил в пальцах пуговицу, которую собирался пришить к рубашке.

— Сам Сергей Павлович предложил?

— Да.

— Не просто сказал «можно», а предложил?

— Да.

Отец кивнул.

— Тогда надо ехать.

Анна повернулась к нему.

— А ты всё быстро решил.

— Нет.

— Похоже.

— Я просто знаю, что она всё равно поедет.

Марта улыбнулась.

— Это правда.

Мать посмотрела на дочь.

— А если и туда не примут?

Марта ответила не сразу.

Потом пожала плечами.

— Тогда вернусь в больницу.

— И всё?
— Нет. Придумаю ещё что-нибудь.
Фридрих тихо рассмеялся.
— Вот теперь я верю, что ты выросла.

В училище документы приняли.
Без лишних вопросов.
Проверили аттестат.
Справки.
Характеристику с места работы.
На последней странице лежала рекомендация районной больницы.
Марта заметила подпись Сергея Павловича.
Его почерк она уже знала.
Резкий, угловатый, почти неразборчивый.
Секретарь прочитала документ внимательнее, чем остальные.
— Работали санитаркой?
— Да.
— Долго?
Марта ответила.
— Почему решили учиться?
На этот вопрос она была готова.
Но неожиданно не захотела произносить заученные слова.
Не сказала ни о любви к медицине, ни о желании помогать людям.
Просто ответила:
— Я поняла, что хочу знать, что делаю, а не только выполнять чужие указания.
Женщина подняла глаза.
— Уверенно.
— Я не всегда уверена.
— Это хорошо.
— Почему?
— Самые опасные в медицине — те, кто слишком быстро становится уверенным.
Марта невольно вспомнила Лебедева.
Похоже, у медиков был свой особый способ разговаривать.

Экзамены она сдала хорошо.
Когда увидела свою фамилию в списке зачисленных, перечитала три раза.
Вебер Марта Фридриховна.
Буквы были обычными.
Но долгое время она просто стояла перед листом и смотрела.
Никто рядом не знал, почему это для неё так важно.
Другие девушки смеялись, обнимались, искали знакомые фамилии.
Марта коснулась пальцем строки.
Не потому, что не верила.
Хотела убедиться, что бумага настоящая.
Она была принята.
Не временно.
Не «если разрешат».
Не «посмотрим».
Принята.

Первое время училище казалось ей слишком большим.
Коридоры.
Кабинеты.
Таблицы на стенах.
Муляжи.
Стеклянные банки с препаратами.
Запах формалина.
Анатомические плакаты.
Латинские названия.
Марта впитывала всё сразу.
Особенно анатомию.
На первом занятии преподаватель поставила перед группой муляж человеческого сердца.
— Кто скажет, сколько камер?
Несколько рук поднялись.
Марта тоже подняла.
Преподаватель кивнула ей.
— Четыре.
— Какие?
Марта перечислила.
— Откуда знаете?
— Читала.
— Где?
— В книге.
— Это логично.
Группа засмеялась.
Марта смутилась.
Преподаватель улыбнулась.
— Не бойтесь отвечать. Но запомните: знать название — это ещё не знать орган.
И начала разбирать сердце по слоям, сосудам, клапанам.
Марта слушала, не отрываясь.
На перемене соседка по парте сказала:
— Ты так смотришь, будто сейчас сама будешь его собирать.
— Мне интересно.
— А мне страшно.
— Чего?
— Что я всё перепутаю.
— Я тоже перепутаю.
— Ты?
— Конечно.
— Не похоже.
Марта улыбнулась.
— Это потому, что я молчу.

Учиться было трудно.
Не потому, что материал казался непонятным.
Потому что его было много.
Очень много.
Утром занятия.

Днём практика.

Вечером конспекты.

Ночью книги.

Марта привыкла к усталости ещё в больнице, но здесь она была другой.

Не телесной.

Голова гудела от терминов.

Иногда она читала одну страницу три раза и понимала, что не запомнила ни слова.

Тогда вставала.

Умывалась холодной водой.

Возвращалась.

Начинала сначала.

Соседка по общежитию, Зоя, однажды спросила:

— Ты вообще спишь?

— Иногда.

— Очень смешно.

— А что?

— У тебя свет до двух.

— Я закрываю.

— После двух.

Марта подумала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.